

шихъ правильно до того дня, когда ихъ взялъ въ свои безбожныя руки часовщикъ, о чловѣкѣ, жена котораго страшится молніи и дѣтскихъ болѣзней и т. п. Искусство представленія и картинности, конечно, — свойство великаго юмориста и въ этомъ отношеніи Маркъ Твэнъ — король юмористовъ. Въ трехъ строкахъ онъ набрасываетъ рѣзко очерченный образъ. И какую галерею портретовъ изъ современной американской жизни создалъ онъ въ теченіе сорока лѣтъ своей литературной дѣятельности! Въ ней представлены всѣ слои профессіи, всѣ темпераменты и всѣ карьеры, начиная съ величественнаго сенатора и кончая бѣднымъ негромъ.

И вотъ основаніе, почему Маркъ Твэнъ для неамериканцевъ ближе всѣхъ другихъ американскихъ юмористовъ, которые превосходятъ его остроуміемъ; въ Германіи, на примѣръ, ни одинъ англійскій или американскій писатель нашего времени не переводился и не издавался такъ часто, какъ Маркъ Твэнъ, который по своей гуманности, идеализму и мягкости является старомоднымъ господиномъ. Жаль, что пуританскій духъ, еще царившій въ домѣ родителей Марка Твэна, уже исчезаетъ. Пуританство создавало часто фанатиковъ, невыносимыхъ буквоѣдовъ — это вѣрно. Но пуританскій духъ произвелъ Линкольна, Эмерсона, Марка Твэна. Знаменитый юмористъ не выучилъ въ воскресной школѣ библейскихъ изреченій, но въ этой школѣ онъ воспріалъ библейскій идеалъ о дѣтяхъ Божіихъ, онъ проникся здѣсь вѣрою въ право и справедливость и съ этими идеалами прожилъ всю жизнь. Эти же идеалы служатъ въ странахъ англо-саксонскаго языка путеводною звѣздою въ жизни многихъ людей.

Утонченныя натуры относились враждебно къ преувеличеніямъ Марка Твэна, но это несправедливо, такъ какъ гиперболизмъ не есть существенная черта его юмора. Писатели, подобные Диккенсу и Марку Твэну, требуютъ въ жизни и въ изображеніи ея широкаго размаха. Диккенсъ и Твэнъ имѣли всегда влеченіе къ новымъ странамъ, они провели полжизни въ путешествіяхъ и оба очень преувеличивали. Диккенсъ осмѣиваетъ гиперболизмъ янки, не подозрѣвая въ немъ широкаго американскаго размаха, новѣйшіе американскіе писатели же не отличаются болѣе преувеличеніями, ихъ юморъ такъ тонокъ, что мы почти его не замѣчаемъ.

Сельма Лагерлѣфъ и сага. Шведскій профессоръ Левертинъ написалъ этюдъ о Сельмѣ Лагерлѣфъ. «Она, — говоритъ профессоръ, — удивительная литературная аномалія. Сельма Лагерлѣфъ воскресила то, что считается уже давно отжившимъ и погребеннымъ, и это поэтическое воскрешеніе исчезнувашаго охватываетъ сердца всѣхъ».

Но развѣ можно считать аномаліею тотъ фактъ, что вновь является нѣкогда бывшее, считаемое нынѣ пережитымъ? Самое воскрешеніе забытаго доказываетъ, что мы слишкомъ рано стали считать устарѣвшимъ или пережитымъ то, что носитъ еще въ себѣ сѣмена жизни.

Однимъ словомъ, это воскрешеніе не аномалія, напротивъ, въ наше время мы видимъ во всемъ европейскомъ мірѣ возрожденіе прежней фантазіи.

И то обстоятельство, что именно женщина является выразительницей такой потребности воскрешенія, кажется намъ вполне естественнымъ. Мы всегда думали, что пробужденіе женщины знаменуетъ собою пробужденіе силъ и голосовъ, которые смолкли въ нашей культурѣ. И вотъ

въ то время, какъ общество спорить о томъ, можетъ ли когда-нибудь женщина быть геніальною, является одна изъ нихъ и начинаетъ производить родъ литературной революціи, оставаясь вполне женщиною. Заимствуемъ изъ книги Левертина нѣсколько строкъ о ней:

«Въ то время, когда мы кажемся себѣ все испытавшими и видѣвшими, эта женщина созерцаетъ міръ, какъ впервые открытую сказочную книгу, и умѣетъ рассказать видимое ею такъ, что всѣ взрослые и ученые становятся вокругъ нея дѣтьми и внимательно прислушиваются къ ея словамъ. Въ то время, когда соображеніе интеллекта исключаетъ всякое непосредственное чувство, она является источникомъ фантазіи и говоритъ единственно въ простотѣ своего сердца, понимая слова въ библейскомъ значеніи. Въ эпоху сомнѣнія и разочарованія, отравляющихъ нашу жизнь, она одухотворена мечтою любви ко всему живущему, она восхищается человѣкомъ, животными и цвѣтами, подобно св. Франциску и другимъ святымъ южныхъ странъ. Все это вмѣстѣ составляетъ поэзію, которая является единственною въ своемъ родѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ мистически-оригинальною».

Если бы эта поэзія была только единственною, то она была бы аномаліей, но такъ какъ она дѣйствуетъ на читателя мистически-оригинально, то это не можетъ быть аномаліею.

Третьимъ моментомъ въ литературномъ явленіи Сельмы Лагерлѣфъ является то, что ея голосъ раздается изъ Скандинавіи.

Можно было бы скорѣе ожидать, что эти мотивы исходятъ изъ Норвегіи, а не изъ Швеціи, а между тѣмъ Левертинъ утверждаетъ, что источники поэзіи знаменитой писательницы относятся къ древнѣйшимъ временамъ Швеціи.

Но шведскіе древнѣйшіе источники тѣ же, что и норвежскіе. Древнѣйшая литература шведовъ—это литература исландцевъ. Затѣмъ родиною древнѣйшей литературы является Верmlandъ у норвежской границы, во времена Гарольда Прекрасноволосаго, считавшагося еще норвежскою областью. Особенность норвежской литературы въ томъ, что она находится въ связи съ древнѣйшею народною поэзіею.

Единственную норвежскую литературу древнѣйшей эпохи, имѣющую значеніе—литературу сагъ—не знаютъ нигдѣ.

Мы расскажем сагу о возникновеніи Верmlandа, такъ какъ Верmlandъ—родина Сельмы Лагерлѣфъ и вмѣстѣ съ тѣмъ родина ея первой книги: саги «Gösta Verling».

Последніе три Инглинга въ Швеціи погибли не въ борьбѣ или отъ болѣзни, но исчезли необыкновеннымъ образомъ.

Король Энундъ былъ кроткій, любимый народомъ властитель. Въ его время Швеція была страню исключительно лѣсовъ. Энундъ проложилъ дороги черезъ лѣса, горы и болота. Въ чащѣ лѣсовъ иногда встречались безлѣсныя мѣста, и здѣсь люди селились въ поселкахъ. Король Энундъ устраивалъ королевскіе замки въ разныхъ селеніяхъ, проходя черезъ всю страну. Однажды онъ пробирался по Гимингейду. Такъ назывались ущелья, окруженные съ обѣихъ сторонъ грозными горами. Шелъ сильный дождь, сдвинувшій лежавшій на скалахъ и горахъ снѣгъ, и вотъ одна громадная глыба снѣга вмѣстѣ съ массою земли съ шумомъ ринулась на короля и его свиту и погребла ихъ подъ собою.

Его сынъ Ингвальдъ былъ прозванъ Ильрада, т. е. имѣющій на щитѣ символъ зла. Говорятъ, что, будучи еще мальчикомъ, онъ занимался

военными упражненіями вмѣстѣ со сверстниками въ «высокихъ залахъ» нынѣшней Упсалы. Принцъ былъ побѣжденъ сверстниками и заплакалъ. Отецъ пристыдилъ его и на другой день велѣлъ воспитателю сына вырѣзать сердце у волка и, изжаривъ его на вертелѣ, далъ съѣсть Ингвальду; послѣ этого Ингвальдъ сдѣлался свирѣпѣйшимъ и хитрѣйшимъ изъ людей.

Въ Упсалѣ приносились жертвы; тамъ жили верховные короли, и шведы собирались на народныя собранія. Въ то время было много вассальныхъ корслей, которые являлись съ жертвоприношеніями въ Упсалу.

Когда Ингвальдъ наслѣдовалъ отцу, то велѣлъ построить новый залъ, такой же большой и великолѣпный, какъ «Высокій залъ (Ursaal)». Въ новомъ залѣ было устроено семь возвышеній, почему этотъ залъ и названъ заломъ «семи королей». Самъ же Ингвальдъ сидѣлъ въ Высокомъ залѣ (Упсалѣ).

Тогда существовалъ обычай, что король, принимавшій наслѣдіе отца, прѣзжалъ на конѣ къ подножію трона, и когда вносили кубокъ, то наслѣдникъ долженъ былъ, сойдя съ коня, произнести обѣтъ и выпить бокалъ. Затѣмъ онъ вступалъ на тронъ своего отца, становясь такимъ образомъ королемъ.

Когда Ингвальдъ долженъ былъ совершить обрядъ восшествія на престолъ, то, принявъ въ руки рогъ, полный вина, онъ произнесъ обѣтъ, что онъ увеличитъ свое царство во всѣ четыре стороны свѣта, въ противномъ же случаѣ лишитъ себя жизни.

Вечеромъ, когда всѣ были опьянены, король Ингвальдъ окружилъ залъ «семи королей» и поджегъ его. Находившіеся же въ немъ короли съ ихъ людьми были сожжены жирѣмъ или убиты. Затѣмъ государства умерщвленныхъ королей были присоединены къ королевству Ингвальда. Изъ числа приглашенныхъ не явился одинъ король Гранмаръ Зудерманландскій. Узнавъ о гибели королей, онъ встревожился.

Въ то лѣто прибылъ въ Швецію король Гервардъ Ильфингъ и остановился недалеко отъ жилища короля Гранмара. Послѣдній пригласилъ прибывшаго къ себѣ.

У континентальныхъ королей былъ обычай пить чашу вдвоемъ, т. е. мужчина вмѣстѣ съ женщиной, а у Викинговъ былъ такой обычай, чтобы всѣ присутствовавшіе пили изъ одной чаши.

Гервардъ и Гранмаръ сидѣли на высокихъ креслахъ другъ противъ друга.

Король Гранмаръ призвалъ свою дочь Гильдегунду и велѣлъ подать гостямъ медъ. Красавица-принцесса, взявъ серебряный кубокъ и наполнивъ его, предстала предъ королемъ Гервардомъ и воскликнула: «Слава Ильфингамъ!». Она отпила половину чаши и подала королю Герварду. Послѣдній, взявъ одною рукою кубокъ, а другою держа за руку принцессу, пригласилъ ее съѣсть возлѣ себя. Она отвѣтила, что это не въ обычаѣ Викинговъ. Гервардъ же возразилъ, что скорѣе онъ откажется отъ обычая Викинговъ, чѣмъ будетъ пить безъ нея. Тогда Гильдегунда сѣла съ нимъ рядомъ, и они пили вмѣстѣ и бесѣдовали другъ съ другомъ весь вечеръ.

На слѣдующій день Гервардъ просилъ руки Гильдегунды и остался у Гранмара, не имѣвшаго сына, чтобы защищать его государство.

Въ томъ же году Ингвальдъ пошелъ войною на королей, собравши

большое войско. Въ происшедшемъ бою вожди подчиненныхъ народовъ бросили Ингвальда со своими воинами. Покинутый и раненый Ингвальдъ съ трудомъ достигъ корабля.

Онъ возвратился въ Упсалу, чувствуя, что народъ захваченныхъ королевствъ не хочетъ быть ему вѣрнымъ.

Затѣмъ долгое время происходили смуты въ странѣ, пока, наконецъ, не былъ заключенъ миръ; три короля обязались клятвою жить въ согласіи.

Весною король Гранмаръ отправился въ Упсалу, чтобы, по обычаю, совершить лѣнія жертвоприношенія и спросить о будущемъ. Предзнаменованія были неблагоприятны и предрекали ему смерть.

Осенью короли Гранмаръ и Гервардъ находились въ замкѣ на одномъ изъ острововъ. И вотъ однажды ночью прибылъ съ большимъ войскомъ король Ингвальдъ. Онъ достигъ незамѣтно замка и сжегъ его вмѣстѣ со всѣми, находившимися тамъ. Затѣмъ онъ подчинилъ себѣ королевства умерщвленныхъ властителей.

Подобнымъ образомъ, т. е., коварствомъ и хитростью, Ингвальдъ погубилъ въ мирное время двѣнадцать королей.

У него было двое дѣтей: Аза и Олавъ. Королева велѣла воспитать въ Вестготландѣ Олава, который впоследствии получилъ прозвище плотника — «Тротельга».

Аза была выдана замужъ за короля Шоніи. Она имѣла злой нравъ отца и уговорила супруга убить своего брата. Затѣмъ она уготовила и ему самому смерть. Но вскорѣ явился племянникъ убитаго, Иваръ, чтобы отомстить за короля. Аза бѣжала къ своему отцу, который находился въ Ренингѣ, когда узналъ о прибытіи Ивара.

И былъ король Ингвальдъ въ великомъ ужасѣ. Онъ видѣлъ, что не въ силахъ бороться съ Иваромъ; бѣжать же онъ не могъ, такъ какъ тогда напали бы на него со всѣхъ сторонъ враги. И вотъ онъ рѣшилъ вмѣстѣ съ Азою напоить всѣхъ людей до безчувствія, а затѣмъ поджечь королевскій залъ. И дѣйствительно залъ и весь народъ, бывший въ немъ, король Ингвальдъ и Аза сдѣлались жертвою пламени.

Когда сынъ Ингвальда, Олавъ, услышалъ о смерти отца и двинулся изъ Вестготландіи, то весь народъ въ Швеціи возсталъ, чтобы истребить родъ Инглинговъ. Олавъ ушелъ на западъ въ лѣсистую страну и дошелъ до рѣки Эльфъ, впадающей съ сѣвера въ Венерское озеро. Здѣсь Олавъ и его свита выжигали лѣса и строили дома, и такимъ образомъ возникли новыя селенія. Эту страну назвали Вермландъ, т. е. теплая страна.

Когда же въ Швеціи узнали, что Олавъ застраиваетъ лѣсистыя пространства, то въ насмѣшку прозвали его «Тротельга» т. е. плотникъ.

Между тѣмъ въ странѣ находился Иваръ, который подчинилъ Швецію и соединилъ ее со своимъ государствомъ, которое заключало въ себѣ Данію, русскую береговую полосу, часть Саксоніи и часть Англіи. Многие люди бѣжали отъ Ивара, и такъ какъ они слышали о новыхъ поселеніяхъ Олава, то и отправились къ нему. И вотъ сбѣжалось такъ много людей, что страна не могла прокормить всѣхъ, и начался голодъ. Шведы приписали все несчастіе королю, напали на него и сожгли его въ замкѣ. Они посвятили его Одину и принесли въ жертву плодородію. Это было у Венерскаго озера.

Такъ исчезло древнее поколѣніе великихъ королей изъ Упсалы.

Такова сага о возникновении Вермланда. Мы передали ее потому, что Вермландъ—родина Сельмы Лагерлёфъ и вмѣстѣ съ тѣмъ родина ея перваго произведенія,—«Верлингской саги».

Эта исторія возникновенія государства—символь возникновенія поэзи знаменитой шведской писательницы. Исторія страны начинается вмѣстѣ съ зачатками культурной работы. Энундъ борится съ природою, въ лѣсахъ прорубаетъ дороги и осушаетъ болота, но грозная природа, въ видѣ обвалившихся массъ земли и снѣга, губитъ Энунда. Его сынъ Ингвальдъ поступаетъ наоборотъ. Ему нужно сломить сопротивление людей и онъ обращается за помощью къ силамъ природы, именно къ огню. Такая дѣятельность является уже политикою. Онъ сожигаетъ двѣнадцать королей и наконецъ огонь уничтожаетъ и его самого. Наслѣдникъ его, Олавъ, находится подъ проклятіемъ, тяготѣвшимъ на отцѣ, и хотя оказываетъ людямъ добро, обращая лѣса въ селенія, все же дѣлается жертвою рока, будучи сожженнымъ въ честь верховнаго бога и плодородія.

Все это мистическія явленія. Жители сѣвера вообще и Сельма Лагерлёфъ въ особенности любятъ ихъ, такъ какъ въ нихъ можно углубиться и опоэтизировать ихъ.

Можно представитъ себѣ, что фантазія писательницы, заинтересованной исторіею Ингвальда, охотно останавливалась надъ изображеніемъ роковой необходимости для Ингвальда предать себя огненной смерти.

Мы скажемъ теперь о томъ, что связываетъ поэтесса съ сагою и что она отдѣляетъ отъ саги.

Сага даетъ матеріаль для исторіи въ томъ видѣ, въ какомъ матеріаль былъ выработанъ въ теченіе столѣтій фантазіею наивнаго, юнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлительнаго народа. При этомъ матеріаль подвергался измѣненіямъ, типичное въ немъ сохранилось, а случайное отодвинулось на второй планъ и становилось чѣмъ-то эпизодическимъ. Но такъ какъ матеріаль этотъ выработывался множествомъ людей, и во всякомъ случаѣ цѣлымъ рядомъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ «разсказчиковъ» саги, то матеріаль подвергался обработкѣ, становясь символическимъ и типическимъ. Словомъ, онъ подобенъ отшлифованному драгоценному камню, отчасти лишившемуся блеска.

Мы говорили о значеніи преданія объ Ингвальдѣ, упомянувъ о немъ однажды въ связи съ тремя Инглингами, покидающими землю Уисалы и переходящими черезъ Вермландъ въ Норвегію (гдѣ отъ нихъ произошли великіе короли: Гаральдъ Прекрасноволосый, Олавъ Тригвесонъ и Олавъ Святой). Въ другой разъ мы разсматривали преданіе объ Ингвальдѣ въ его внутреннемъ психологическомъ значеніи. Разсказъ въ обоихъ этихъ случаяхъ не тождествененъ. Въ каждомъ изъ нихъ выступаютъ на первый планъ разные моменты, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, встрѣчаясь въ одномъ случаѣ, исчезаютъ въ другомъ.

Можно прослѣдить послѣдовательно исторію Ингвальда. При этомъ пришлось бы говорить объ элементахъ, о которыхъ мы изъ-за недостатка мѣста не упоминали: о скромномъ ребенкѣ Ингвальдѣ, плакавшемъ во время игры съ мальчиками и затѣмъ съѣвшемъ волчье сердце, о бракѣ Ингвальда, о его женѣ—дочери короля Альгота, вѣрящаго въ доброту Ингвальда, затѣмъ о томъ, что между королями, сожженными во время пира, находятся главнымъ образомъ тѣ, изъ-за которыхъ онъ

плакалъ въ дѣтствѣ, и даже, наконецъ, король Альготъ, отецъ его жены. При сожженіи вновь является отецъ Ингвальда съ сыновьями, говорится также о благородномъ воспитаніи его сына Олава на родинѣ матери.

Кто живетъ сознательно, тотъ знаетъ, что онъ по временамъ считаетъ свою жизнь свѣтлою, а по временамъ печальною, что вѣра въ будущее смѣняется часто отчаяніемъ. Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ видѣть въ своей жизни проявленіе божественной воли, а иногда его жизнь представляется ему глупою случайностью. Слѣдовательно, человѣкъ смотритъ на свою внутреннюю жизнь съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Въ этомъ отношеніи сага подобна жизни. У человѣка, передающаго сагу, долженъ быть громадный художественный инстинктъ. Онъ рассказываетъ такъ, какъ будто бы передаетъ простѣйшіе факты. Читатель слѣдуетъ шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ рассказчикомъ и чувствуетъ, какъ передъ нимъ съ разныхъ сторонъ развертывается великая картина жизненныхъ отношеній.

Сага и поэтъ (въ данномъ случаѣ Сельма Лагерлёфъ) имѣютъ въ одномъ отношеніи сходство, а въ другомъ различіе. Поэтъ остается на почвѣ исторіи, онъ излагаетъ событія, не объясняя ихъ. Отсюда у знаменитой шведской писательницы мы видимъ стиль саги. Съ другой стороны — и въ этомъ сага отличается отъ сказаній Сельмы Лагерлёфъ — поэтъ стремится выдѣлить одну черту, одно отношеніе и сдѣлать ее единственно господствующею въ рассказѣ. Въ исторіи Ингвальда такою доминирующею чертою является огонь. Герой размышляетъ при видѣ пожара. Это его сила и оружіе при всѣхъ случайностяхъ жизни. Идея огня проходитъ въ сказаніяхъ объ Ингвальдѣ. Какъ загорается ненависть окружающихъ къ Ингвальду, какъ онъ не находитъ ничего болѣе, кромѣ огня, вокругъ себя, и какъ огонь уничтожаетъ его сына, — весь этотъ трагизмъ подробно изображается знаменитою писательницею, но многочисленныя подробности саги, касающіяся другихъ предметовъ, отсутствуютъ въ рассказѣ Лагерлёфъ.

Мы должны сказать еще нѣсколько словъ о сагѣ.

Первая книга Лагерлёфъ «Gösta Verling Saga», по отзыву Леверттина, — «не только древняя сага, но и древній романъ». «Сага и романъ, — продолжаетъ онъ, — прибѣгаютъ къ совершенно различному способу разсказа о событіяхъ». И это вѣрно. Сага все время вращается вокругъ фактической стороны разсказа, романъ же выходитъ за предѣлы фактовъ, другими словами, сага рассказываетъ о внѣшнихъ событіяхъ въ формѣ сухого пересказа, не высказывая мнѣнія о событіяхъ, романъ, напротивъ, допускаетъ выраженіе мыслей и проявленіе чувствъ рассказчика. Въ этомъ отношеніи сага эстетичнѣе романа. Левертинъ продолжаетъ: «Сага допускаетъ существованіе и возможность всякихъ событій, даже невѣроятнѣйшихъ, и притомъ она не объясняетъ ихъ. Романъ же показываетъ связь между людьми и событіями». Но эта противоположность между сагою и романомъ совершенно ложна. Можно говорить о противоположности между романомъ и сагою, понимаемою, какъ сказаніе доисландской, кельтійской эпохи, или же о сагѣ времени ея паденія, когда въ нее проникли кельтійско-германскія концепціи, и возникла романтическая сага. Но сага въ блестящую эпоху своего развитія имѣетъ много общаго съ современнымъ романомъ. Характернымъ признакомъ саги послѣдняго рода является то, что рассказчикъ никогда не

говорить того, что онъ могъ бы счесть невѣроятнымъ. Конечно, исландецъ-язычникъ или же едва принявшій христіанство (X—XIII вв.), передававшій и записывавшій саги, считалъ вѣроятными фактами даже трудно допустимыя событія, но во всякомъ случаѣ характерною чертою блестяшаго расцвѣта исландской саги является ея сдержанность по отношенію къ необычайному и преувеличенному. Читатель видитъ это въ сагѣ о возникновеніи Вермланда. Сага допускаетъ лишь то, что считаетъ дѣйствительнымъ событіемъ, какъ это дѣлаетъ и современный романъ. Съ другой стороны, исландская сага характерна своею «связью между событіями и людьми». Это обстоятельство обезпечиваетъ сагѣ особенное мѣсто во всемірной литературѣ. Мы встрѣчаемъ въ ней мастерскія психологическія характеристики, причемъ психологія является не дополненіемъ фактической стороны, какъ въ романѣ, но заключается въ положеніи, дѣйствіяхъ и рѣчахъ изображаемыхъ лицъ.

Итакъ, противоположность между сагою и романомъ, указанная Левертиномъ, не вѣрна. Сельма Лагерлѣфъ охотно выставляетъ психологическія проблемы, но не всегда разрѣшаетъ ихъ удачно. Въ этомъ случаѣ, какъ Левертинъ правильно замѣчаетъ, у нея встрѣчается психологія, свойственная старымъ сенсаціоннымъ романамъ, «главнымъ правиломъ которыхъ было то, что каждая причина должна была имѣть слѣдствія громадной важности. Если, на примѣръ, благородная женщина бывала обманута своимъ возлюбленнымъ, то она бросалась въ болото и мстила всѣмъ мужчинамъ, слѣлавшись вампиромъ. Психологіи такого рода мы не найдемъ въ сагѣ, но Сельма Лагерлѣфъ не вполне свободна отъ нея.

Въ заключеніе мы должны привести мнѣніе Левертина о знаменитой писательницѣ, мнѣніе, съ которымъ слѣдуетъ согласиться: «По природѣ своей она принадлежитъ къ наиболее богато одареннымъ поэтическимъ силамъ. Въ ней соединены три качества: необыкновенная сила воображенія, даръ плавнаго изложенія и богатство чувствъ, которыя охватываютъ своею кроткою любовью все живущее на землѣ, наравнѣ съ отшедшимъ въ иной міръ».

* * *

Данныя для будущей войны и выводы изъ нихъ. Въ изданіи Дитериха въ Лейпцигѣ появилось сочиненіе анонимнаго спеціалиста подъ заглавіемъ «1906 годъ». Книга заслуживаетъ вниманія; она написана съ цѣлью побудить Германію серьезнѣе отнестись къ морскому вопросу. Здѣсь имѣется въ виду почти неизбежная война съ Англіей.

Поводовъ къ войнѣ не придется долго искать, и какія-нибудь самоанскія осложненія могутъ повести къ инциденту, влекущему за собою войну. Англіискія военныя суда попытаются нанести ударъ Германіи, можетъ быть, съ помощью Америки. Но когда готово будетъ разразиться вооруженное столкновеніе, янки во-время уклонятся отъ войны, стараясь извлечь изъ нея выгоды, не принимая участія въ борьбѣ. Итакъ, положимъ, начинается кровопролитіе между англичанами и нѣмцами, и лишь счастливый случай можетъ помочь Германіи при нападеніи англичанъ въ далекихъ водахъ. Отсюда выводъ тотъ, что заморскія нѣмецкія станціи должны охраняться сильными крейсерами, число коихъ должно быть увеличено. Затѣмъ необходимо выдавать для находящихся въ колоніяхъ судовъ не черный порохъ, раз-